

УДК 880(09)

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6

Чжу Цзяньган¹,
Лу Яо²

«Война и мир» Л. Н. Толстого: истолкования Н. Н. Стрехова,
актуальные контексты

¹ Сучжоуский Университет, ул. Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР;
pipimao@mail.ru

² Сучжоуский Университет, ул. Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР;
emailluyao@126.com

Аннотация. В статье представлены анализ и оценка толкования романа Л.Н. Толстого «Война и мир» Н.Н. Стреховым. Основываясь на двух основополагающих органических понятиях – «жизни» и «почвы», – критик показывает, что «Война и мир» воплощает национальный характер России. Понимание Стреховым «Войны и мира» также является одной из его попыток противостоять нигилизму в общественном сознании россиян XIX века и способствовать развитию и широкому народному принятию русской национальной культуры в ее лучших, вершинных образцах.

Ключевые слова: Н.Н. Стрехов; Л.Н. Толстой; «Война и мир»; национальная культура

Для цитирования: Чжу Цзяньган, Лу Яо. «Война и мир» в толковании Н. Н. Стрехова // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3. С. 77-90. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6

Zhu Jiangang¹,
Lu Yao²

“War and Peace” in the interpretation of N. N. Strakhov:
current contexts

¹Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, Jiangsu province, 215006, Jiangsu province, China; *pipimao@mail.ru*

²Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, Jiangsu province, 215006, Jiangsu province, China; *emailluyao@126.com*

Abstract: The article presents an analysis and evaluation of N. N. Strakhov's interpretation of Tolstoy's novel “War and Peace”. Based on two fundamental organic notions – “life” and “soil” – the critic shows that “War and Peace” embodies the national character of Russia. Strakhov's understanding of “War and Peace” is also one of his attempts to counter nihilism in the public consciousness of nineteenth-century Russians and to promote the development and broad popular acceptance of Russian national culture in its best, pinnacle examples.

Keywords: Strakhov; Tolstoy; “War and Peace”; national culture

For citation: Zhu Jiangang, Lu Yao (2022), “War and Peace” in the interpretation of N. N. Strakhov: actual contexts”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 77-90 DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-6

В предисловии к полному собранию переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова, опубликованному в 2003 году, канадский ученый А. Донсков, известный своими исследованиями творчества Толстого, писал: «Удивительно, что до сих пор было так мало академических исследований жизни и творчества Страхова, особенно когда речь идет о его важной роли в литературной связи с Достоевским и Толстым» (“It is surprising, in the view of the above, that so little critical study has been carried out to date on Strakhov’s life and works, particularly of the pivotal role he played in his literary association with both Dostoevsky and Tolstoy”) (Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов..., 2003: XV).

Действительно, Страхов являлся близким другом писателя и известен как «один из редких людей, глубоко понимавших Толстого» (Толстая, 2016: 271), который, в свою очередь, нашел в критике «чуткого, умного ценителя своего творчества» (Толстая, 2016: 291). Собрание его переписки с писателем было издано Ассоциацией толстовских музеев еще в 1914 году и является незаменимым материалом для исследований жизни и творчества Толстого. С другой стороны, самый выдающийся вклад Страхова как известного литературного критика XIX века заключается в его интерпретации средних и поздних произведений Толстого. Советский и российский литературовед Н.Н. Скатов отмечал: «Честь открытия и утверждения в критике этого Толстого во многом действительно остается за ним» (Страхов, 2000: 34). Репутация критика была подтверждена даже самим Толстым. В апреле 1877 года он писал Страхову: «Боюсь и не люблю критики и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы

к работе» (Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов..., 2003: 331). Толстой даже пересмотрел «Войну и мир», основываясь на мнениях Страхова.

По воспоминаниям Страхова, они впервые познакомились благодаря литературной деятельности. Толстой был чрезвычайно доволен рецензией Страхова на «Войну и мир», написанной между 1866 и 1869 годами. Страхов в это время был ведущим публицистом журнала «Заря», и он также надеялся, что Толстой станет его корреспондентом и автором журнала. С июня–июля 1871 года, когда Страхов впервые посетил Толстого в Ясной Поляне, и до смерти Страхова в начале 1896 года продолжалась их дружба. Взаимное восхищение двух писателей литературными достижениями каждого составляет основу их дружбы, оставившей яркий след в истории русской литературы и являющейся существенной частью биографии Толстого.

В настоящее время оценка Толстого как эпического поэта и поэта-психолога общепринята¹, а Н.Г. Чернышевский признан первым критиком, сделавшим такую оценку. Страхов, по сути, отходит от этого ограничения, подчеркивая, что одна из существенных черт творчества Толстого заключается «в необыкновенно тонком и верном изображении душевных движений». Кроме того, Страхов также поднял вопрос: «Что ищет поэт?» и сам же ответил: «Ответ один: художник ищет следов красоты души человеческой – ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией... словом, старается найти и определить со всею точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни» (Страхов, 1901: 195, 196). «Искра Божия», «идеальные

¹ Русский критик Овсянко-Куликовский однажды сказал, что Толстой был одновременно Гомером и Шекспиром. Современный советский литературовед М. Храпченко также говорит:

«Эпика и психологизм – это разные стороны толстовского отражения жизни, разные и в то же время тесно связанные между собою» (см.: Храпченко, 1980: 424).

стремления человека» – все эти концепты, ориентированные на человека и смысл человеческой жизни, являются отправной точкой для обсуждения Страховым Толстого. С их помощью Страхов вошел в творческий мир Толстого.

По мнению критиков, мощная творческая сила Толстого исходила из «веры в жизнь» и «любви к народу». Именно в «жизни» и «народе» писатель имел фундаментальную творческую основу. В первой статье о Толстом «Сочинения гр. Л.Н. Толстого» (1866 г.) критик впервые представил повесть Тургенева «Довольно» (1865 г.) и очерки Писемского «Русские лугуны» (1865 г.). По мнению Страхова, повесть «Довольно» отражала глубокий упадок и даже нигилизм Тургенева, а «Русские лугуны» свидетельствовали о мизантропии Писемского. Страхов считал, что, по сравнению с первыми двумя, «только у гр. Толстого задача, которая нас занимает, поставлена прямо, то есть прямо рисуются люди, у которых идеал оскудел, которые ищут прекрасного образа мыслей и чувств, и страдают среди этого искания» (Страхов, 1901: 151). Другими словами, в то время, когда так много писателей разоблачали отрицательную сторону общества и даже отчаивались в обществе, герои произведений Толстого пытались найти смысл жизни, который достоин утверждения в первую очередь. «Что же делают герои графа Толстого? Они буквально бродят по свету, нося в себе свой идеал, и *ищут идеальной стороны жизни*» (Страхов, 1901: 168). Понятие «жизнь» означает здесь жизнедеятельность. Это понятие используется Страховым для противопоставления термину «теория», который символизирует нигилизм как жизнеотрицание. Понятие «жизнь» будет всплывать снова и снова в следующих статьях².

² Подчеркивание Страховым «жизни» стало, по сути, отправной точкой для последующих исследований Толстого. М. Храпченко говорит: «Огромным творческим завоеванием Толстого явилось

Вторая и третья статьи критика – «Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Томы I, II, III, IV». Он полагал, что основная тема сочинения по-прежнему о жизни, особенно о жизни русских. Стоит отметить, что, хотя действие романа разворачивается на фоне войны 1812 года, Страхов не рассматривал это произведение как исторический роман или так называемый «разоблачительный роман» натуральной школы, как это делали многие его современники. Конечно, это связано с его абстрактным взглядом на проблему, но действительно отражает уникальное видение критика. Согласно пониманию Страхова, война 1812 года была выбрана в качестве исторической основы романа только потому, что это время было наиболее очевидным периодом взрыва жизненных сил русского народа. Это сознание жизни русских стало объектом описания писателя. В романе оно выражается как «чисто-русский героизм, чистое русское героическое во всех возможных сферах жизни, – вот, что дал нам гр. Л.Н. Толстой, вот главный предмет “Войны и мира”» (Страхов, 1901: 282). Русское чувство жизни особенно проявляется в трех аспектах: «простота, добро и правда». Значение романа заключается также в том, что «простота, добро и правда победили в 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши» (Страхов, 1901: 281). По мнению Страхова, «весь русский душевный строй *проще, скромнее*, представляет ту гармонию, то равновесие сил, которые одни согласны с истинным величием» (Страхов, 1901: 282). Напротив, в Западной Европе во второй половине XIX века этой «гармонии» и «равновесия» уже не было. Хотя взгляды Страхова основаны на национальных чувствах, его замечания о западноевропейской культуре вполне оправданны. Взгляд Стра-

также единство эпического повествования и изображения психологии человека» (см.: Храпченко, 1976: 119). В данной статье мы будем переводить его как «бытовая жизнь» или «жизнедеятельность», как того требует контекст.

хова восходит к критике Герценом гражданского общества в Западной Европе и восхвалению славянофилами русской общины, а также может быть связан с будущими констатациями Ницше и Шпенглером вырождения европейской цивилизации. Вскоре после этого Ницше прокричал: «Бог мертв» и «Вернись к духу Бахуса», что подтвердило точку зрения Страхова. За что умер Бог? Почему Запад пал? Разве не чрезмерное развитие научного разума нарушило первоначальную гармонию и равновесие?

Однако, по мнению критика, недостаточно проводить понятие «жизнь» и указать на его значение. Необходимо также найти конкретные воплощения, образы в литературных произведениях, например, как Базаров в «Отцах и детях» стал синонимом нигилистов. Настоящим представителем жизненной силы русского народа в «Войне и мире» для критика становится Платон Каратаев. Страхов отмечал: «Немногие страницы, где является солдат Каратаев, имеющий столь важный смысл во внутренней связи целого рассказа, едва ли не заслоняют собою всю ту литературу, которая была у нас посвящена изображению быта и внутренней жизни простого народа» (Страхов, 1901: 270). В самом романе не так много информации о Каратаеве, но эти страницы имеют большое значение. Он был одной из причин идеологической перемены Пьера Безухова. «Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого». Именно под влиянием Каратаева Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе» (Толстой, 1996: 271). Очарование Каратаева как представителя народных масс заключается в том, что у него не так

много теорий, чтобы выразить недовольство или даже отрицание реальности. Он полон благодарности за жизнь³. Жизнь Каратаева проста и полноценна потому, что она основана на любви к жизни. Соответственно, даже если некоторые герои полны благородных теорий и готовы пожертвовать собой в жизни, они не считаются «истинными людьми» в глазах писателя, потому что они отделены от реальной жизни. Как Соня, двоюродная сестра Ростовых. Чтобы содействовать браку Ростова с Марией, Соня добровольно отказалась от помолвки. Такой герой рассматривается писателем как «бесплодный цветок» и теряет подлинность.

Однако если рассматривать Толстого только как выразителя на материале войны 1812 года основ жизни русского народа, то не совсем понятно, в чем состоит мировое значение писателя. Значение интерпретации Толстого Страховым заключается в том, что он раскрыл основную концепцию творчества писателя – отражение жизни во всем ее полномочном течении, в том числе и основ именно «русской жизни», без которых существование русского народа немислимо. История создания произведения показывает, что целью Толстого было не только вспоминать об исторических образах дворянства, но и осмыслить современное русское общество и создать современный пример героев для русского народа. Ромен Роллан отмечал: «Действительно, слава “Войны и мира” заключается в воссоздании целой исторической эпохи, а также в воспоминании о национальной колонизации и национальных войнах» (罗曼·罗兰: 《托尔斯泰传》, 傅雷译, 商务印书馆, 1998年, 第47页。 / Роллан, 1998: 47). Можно сказать, что книга «Война и мир» была первой попыткой русских найти свою национальную самобытность и обнаружить свои национальные корни. По мнению критика, результат этих усилий –

³ Бахтин говорит: «Каратаев, это простота». Он также говорит, что простота – это «разоблачение ненужной сложности» (см.: Бахтин, 2000: 244).

«Война и мир» – это «борьба России с Европой» (Страхов, 1901: 296). В романе противостояние нации стало центром борьбы, а именно Отечественной войны 1812 года, особенно Бородинской битвы.

По мнению Страхова, «война была со стороны русских оборонительная и, следовательно, имела святой и народный характер; тогда как со стороны французов она была наступательная, то есть насильственная и несправедливая... Французы явились, как представители космополитической идеи, – способной во имя общих начал прибегать к насилию, к убийству народов; Русские явились представителями идеи народной, – с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически-сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и Русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей» (Страхов, 1901: 213). Современный западный мир в лице Франции воспринял «дух Фауста» – дух постоянной экспансии и стремления. Хотя он развивал себя, он также принес миру катастрофу. Напротив, русские подчеркивают любовь к жизни и гармоничное сосуществование с миром, основа которого лежит в «духе и строе самобытной, органически-сложившейся жизни». Внешним проявлением данной основы является «русский героизм», то есть «простота, добро и правда». Страхов неоднократно отмечал, что «весь рассказ “Войны и Мира” как будто имеет целью доказать превосходство смиренного героизма над героизмом деятельным, который повсюду оказывается не только побежденным, но и смешным, не только бессильным, но и вредным» (Страхов, 1901: 284-285). Глуповатый на вид Кутузов победил несравненного Наполеона, что является самым мощным проявлением русской национальной особенности. На самом деле, именно эта особенность, столь отличная от западного мира, стала одной из причин

того, что, по мнению почвенников, таких как Страхов, Россия смогла спасти мир и стать Третьим Римом. Толстовство, поддерживаемое Толстым в его поздние годы, также в значительной степени основывалось на простоте, доброте и терпении русского народа.

Взгляды Страхова в данном вопросе разделял Достоевский, о чем свидетельствует его письмо критику: «Именно то, что Вы говорите, в том месте, где говорите о Бородинской битве, и выражает всю сущность мысли и Толстого и Вашу о Толстом» (Достоевский, 1986: 17). По мнению критика, «Война и мир» не только отражает борьбу между русской и западной мыслью, но и само появление этого произведения означает, что «после долгих уклонений от настоящей дороги, после всяких зараз, которые русская литература выносила в своем теле со всеми их последовательными симптомами, она, наконец, возвращается к своему прежнему здоровью» (Страхов, 1901: 308). Корень здоровья – в жизни, особенно в жизни России. Только создав прямую связь с русской жизнью, можно избежать западного влияния и нигилизма, это заключительный вывод Н.Н. Страхова.

«Война и мир» заключает в себе концентрацию жизненной силы русского народа и являет миру самые характерные национальные черты. Толстой, создавший все это, естественно, стал символом народности русской литературы. В 1884 году французский критик Вогюэ написал о Толстом в газете «Русь»⁴. Отвечая на некоторые тезисы этой работы в аналитической статье, Страхов в конце статьи отметил: «Религия есть, действительно, душа нашего народа, и святой человек – его высший идеал. В этой глубокой народной жизни наша сила и наше спасение. Л.Н. Толстой несомненно один из ее прямых выразителей и представителей, и потому, как бы его

⁴ Через два года этот текст вошел в монографию Э.М. Вогюэ «Русский роман» (1886). Эта книга имела хорошую репутацию и способствовала

пониманию русской литературы в европейских интеллектуальных кругах.

деятельность не представлялась нам неясною, одностороннею и даже ошибочною, она должна быть для нас в высшей степени важна и поучительна» (Страхов, 1901: 387).

По этому вопросу критик даже поссорился со старым другом Достоевским⁵. В своем письме к Страхову в конце 1868 года Достоевский указывал: «Мне хочется поскорее своего. Вы очень уважаете Льва Толстого, я вижу; я согласен, что тут есть и свое; да мало. А впрочем, он, из всех нас, по моему мнению, успел сказать наиболее своего и потому стоит, чтоб поговорить о нем» (Достоевский, 1985: 334). Писатель указывает на два пункта: во-первых, что Толстой оригинален; во-вторых, что оригинальность Толстого еще не очевидна. Это явно означает, что выступление Страхова в поддержку Толстого как выразителя народности русской литературы не вызвало полного согласия Достоевского.

Точка зрения Достоевского оставалась неизменной на протяжении всей его жизни: в частности, когда Страхов позже сравнил Толстого с Вольтером, Пушкиным и другими мастерами, Достоевский не мог принять эту точку зрения: «Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, это – когда Вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать!» (Достоевский, 1986: 114). Связана ли разница в их оценках Толстого с антагонизмом между писателями – это, конечно, другой вопрос, который стоит

изучить⁶. Русский ученый Н. Мальчевский считает, что Страхов нашел своеобразный путь рационалистической философии между революционностью Белинского, Чернышевского и Добролюбова и религиозностью рубежа XIX и XX веков. Для него Страхов был «одним из первых представителей самостоятельной русской философии» (Мальчевский, 1992: 34). Мы считаем, что в литературе этот уникальный путь рационализма наиболее полно проявляется в обсуждении Толстого. Страхов в первую очередь раскрывал сознание жизни в творчестве писателя, затем утверждал это сознание как основу русского народа, и в конечном итоге определял Толстого как выразителя основы народа. Так Страхов развивал свою мысль о Толстом и искал русскую национальную самобытность.

Линда Герштейн, автор биографии Страхова, отмечала: «Его тема как писателя заключается в том, что Россия должна быть спасена от господства западной культуры, чтобы раскрыть свое собственное своеобразие» (“His major theme as a writer was that Russia must emancipate herself from the cultural domination of the West in order to discover her own personality”) (Linda Gerstein, 1971: 102). Это ярко отражено в изданной посмертно работе критика «Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки»⁷. На наш взгляд, эта тема делится на два этапа: первый – «оторваться»: оторваться от влияния западной мысли; другой – «установить»: установить

⁵ Поскольку переписка Страхова с Достоевским до сих пор не была собрана зарубежной научной общественностью, мы можем только догадываться о комментариях Страхова, основываясь на ответах Достоевского в его письмах.

⁶ Большинство советских и российских ученых, в частности А.С. Долинин и В.Я. Кирпотин, подчеркивали негативную роль Страхова в отношениях между Достоевским и Толстым, утверждая, что он намеренно не позволил им встретиться, особенно, что Страхов оклеветал Достоевского в письме Толстому после смерти первого. По этому вопросу китайские ученые придерживаются схожей позиции. Например, Ли Минбинь, профессор Пекинского университета, «Публичное дело в русском

литературном мире: Неправедливость, стоящая за Достоевским, наконец раскрыта» в «Русско-советской литературе» (1986, № 2). Однако мы считаем, что отказ Толстого встретиться с Достоевским в большей степени связан с разными путями двух писателей.

⁷ Этот трехтомный сборник, опубликованный между 1882 и 1895 годами, содержит в основном литературные и культурологические сочинения Страхова, начиная с 1870-х годов. Фотокопия была опубликована издательством Mouton в 1969 году, а в 2010 году Институт Русской Цивилизации опубликовал еще одну антологию с одноименным названием, но со значительными изменениями в содержании.

особенности самой русской культуры. Переход от антинигилизма к почвенничеству, по сути, является конкретным выражением именно этой темы. В конце 1850-х годов Страхов, который печатался в журнале «Светоч», познакомился с Достоевским, вернувшимся из сибирской ссылки. При его поддержке Страхов начал активно участвовать в литературной критике и стал одним из известных теоретиков почвенничества⁸. Начиная с этого периода, Страхов вместе с Аполлоном Григорьевым, братьями Достоевскими и другими соратниками участвовал в ряде дискуссий в русской интеллектуальной среде 1860-х годов, выступая антитезой нигилистической тенденции. Объективно говоря, Страхов не отрицал полностью нигилизм. Однако, по его мнению, ценностное отрицание в итоге должно быть привязано к какой-то более позитивной ценности, иначе легко попасть в странный круг отрицания. Сам он описывал свою позицию так: «Отрицание, сомнение, пытливость – это лишь первый шаг, думал я, это – неизбежное условие свободной работы мысли. А затем второй шаг будет уже – выход из отрицания, положительная мысль, подъем на более высокую степень понимания» (Страхов, 1901: IX). Если нигилизм был лишь одним из недостаточно развитых направлений русской культурной мысли 1860-х годов, антинигилизм должен был прийти к более конструктивным идеям, чтобы заменить его в конце концов. С этой целью Страхов предложил создать самобытную русскую культуру на основе русской национальной культуры, опираясь одновременно на западноевропейские достижения. Эта мысль полностью выражается в

его известной политической публикации «Роковой вопрос».

В 1863 году, когда в Польше разгорелась борьба за независимость, большинство русских деятелей культуры были патриотами и порицали Польшу. В отличие от тех, кто занимал альтернативную позицию, Страхов предпочитал анализировать польское восстание с точки зрения культуры. В апрельском номере газеты «Время» он опубликовал статью «Роковой вопрос» за подписью «Русский». Отталкиваясь от текущего польского вопроса, в статье утверждается, что споры между двумя народами остаются только на поверхности, а суть проблемы кроется в культуре. «Поляки возбуждены против нас так же, как народ образованный против народа менее образованного, или даже вовсе необразованного. <...> Польша от начала шла наравне с остальной Европой. Вместе с другими западными народами она приняла католичество; одинаково с другими развивалась в своей духовной жизни. В науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации, она постоянно брталась и соперничала с другими членами европейской семьи и никогда не была в ней членом отсталым или чужим» (Страхов, 1897: 92-93). В данном контексте термин «отсталая, чужая страна» относится к России. Действительно, одним из главных парадоксов России XIX века была политическая и военная сила страны и ее культурная слабость по отношению к европейцам. Россия силой завоевала Польшу и даже стала «жандармом Европы». Но на культурном уровне Россия даже в большей степени копировала Запад и была менее оригиналь-

⁸ Известный философ Владимир Соловьев назвал Страхова «не только западником, но еще западником крайним и односторонним» (см.: Соловьев, 1914: 143). Мы предполагаем, что высказывание Соловьева больше основано на споре со Страховым, а также подчеркивает образование Страхова в области естественных наук, но на самом деле это может быть не совсем так. Потому что Страхов позже сказал: «Как почвенники, Аполлон Григорьев и Достоевский часто подчеркивают, что они не являются

ни западниками, ни славянофилами... Я думаю, что необходимо прямо определить себя как славянофил» (цит. по: Шестидесятые годы..., 1940: 256). Это признание показывает, что в итоге он сам опирался на русскую культуру. Более того, Страхов также высказал Толстому свою идеологическую позицию: «А мы, консерваторы, славянофилы и т. п. – мы только знаем, чего не делать» (цит. по: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, 1914: 72).

ной, чем Польша, поэтому Польша и восстала. Поэтому критик отмечал, что, если Россия хочет окончательно решить польскую проблему, она должна впервые подчеркнуть свои уникальные культурные особенности и избавиться от западного влияния. Польша не столь заслуживает симпатии, как говорят некоторые революционные демократы, потому что будучи славянской страной, она стремилась к западноевропейской культуре как к своему духовному истоку и поэтому погибла. Но ее судьба может стать опытом для России: подъем великой державы должен, по крайней мере в культурном развитии, быть независимым и идти по тому пути, который ей подходит. Следует отметить, что мышление Страхова выходит за рамки реальной политики. К польскому вопросу Страхов подходит с позиции культурного конфликта – это явно какое-то преувеличение⁹.

Культура – это не бессодержательный термин; он должен иметь конкретное наполнение. Для Страхова, если культурные миссионеры, цивилизаторы не основаны на творческой практике местных писателей, их упорство в местной культуре бессмысленно. Поэтому необходимо найти подходящего представителя в литературном мире, который бы отражал особенности русского характера. В это время Толстой, стремительно поднявшийся к славе в литературном мире, вошел в поле зрения критика, уже опубликовав ряд произведений, таких как «Севастопольские рассказы» и «Война и мир». Важнее всего то, что сознание жизни и национальный дух писателя, проявившиеся в его произведениях, вызвали резонанс у критика. Таким образом, Страхов взял эти два начала как отправную точку для своего изучения Толстого. Страхов сам обозначил значение своего исследования: «Дело, конечно, не в том,

что я первый, и уже давно, печатно провозгласил Толстого гениальным и причислил его к великим русским писателям. Главное всегда – в понимании духа писателя, в том внутреннем сочувствии, которое открывает нам самую глубину его произведений. Пусть судят читатели, насколько верно и полно я, уже тогда, понял смысл Толстого» (Страхов, 1901: III).

Обращаясь к истории русской литературы XIX века, стоит отметить одно явление: противостояние писателей и критиков. Лидер радикализма Н.В. Шелгунов в «Сочинениях Д.И. Писарева» (1871 г.) указал на это явление: «У сороковых годов был только один Белинский и целая плеяда беллетристов; у нашего времени, напротив, несколько одновременно выдававшихся критиков и публицистов и почти ни одного беллетриста» (Шелгунов, 1974: 264). Белинский писал о Гоголе, Добролюбов о Тургеневе – оба случая закончились расставанием. Есть много причин для конфликта или даже разрыва между критиками и писателями, но это тема для отдельной статьи. Тот факт, что анализ Толстого, сделанный Страховым, был подтвержден Толстым, и в результате этого возникло долгое и дружеское взаимодействие между писателем и критиком, является бесценным в контексте всего девятнадцатого века. Не случайно Толстой однажды сказал: «Одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Николай Николаевич Страхов» (Толстой, 2000: 140).

Мы думаем, что редкое гармоничное сосуществование и взаимное усиление этих двух явлений связано с несколькими факторами. Во-первых, из-за критического взгляда, называемого «теоретической терпимостью». В полемике с Чернышевским и другими Страхов установил некоторые основные критические принципы. Он писал: «Я шел правильным, надлежащим путем. Я

⁹ Стоит отметить, что именно из-за оторванности статьи от реальности, неясности темы и, в частности, критики русской культуры, статья вызвала бурную реакцию в русских интеллектуальных

кругах и даже насторожила правительство. В результате выпуск журнала «Время» был приостановлен, а Страхов был наказан запретом на участие в работе редакции журнала в течение 15 лет (см.: Страхов, 1883: 250).

не спорил с художником, не торопился стать к нему в положении судьи, не чувствовал желаний противоречить его отдельным мнениям и высказывать свои собственные, будто бы более основательные взгляды на те же вещи. Прежде всего я постарался понять создание художника, проникнуть в смысл того очарования, которое так могущественно и неотразимо овладело мною: уразуметь, откуда и в чем эта сила?» (Страхов, 1901: 311). Полное уважение к творческому сознанию писателя, естественно, завоевало расположение писателя. Напротив, Добролюбов дал слишком радикальную оценку роману «Накануне» И.С. Тургенева в своей статье «Когда же придет настоящий день?» (1860 г.). Искажение субъективных наклонностей автора, хотя и оправданное, в конце концов противоречило истинным стремлениям писателя и привело к разрыву Тургенева с «Современником». Толстой уже имел известность и устоявшийся семейный уклад. Превосходные условия позволяют писателю, с одной стороны, стремиться к совершенству в написании, а с другой, сохранять параноидальную любовь к собственным словам перед редакторами и критиками. Страхов отмечал: «Лев Николаевич твердо отстаивал малейшее свое выражение и не соглашался на самые, по-видимому, невинные перемены» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях..., 1978: 238). Такая ситуация была бы немыслима для Достоевского, для которого вопросы выживания часто выходили на передний план. Поэтому, если Страхов хотел, чтобы его статьи были признаны Толстым, он, очевидно, не мог выступать с критикой в духе Добролюбова. Он должен был провести тщательный анализ произведений Толстого на основе проникновения в его личность, чтобы убедить писателя в точности своих выводов. В итоге, как отмечали современники, советом Страхова Толстой «всегда дорожил в сфере своего творчества» (Л.Н. Толстой в воспоминаниях..., 1978: 184).

Во-вторых, схожесть мировоззренческих позиций по ряду важных вопросов –

еще один фактор, способствующий гармоничному сосуществованию Страхова и Толстого. Как указывал Толстой в своем письме Страхову: «Ваше сочувствие ко мне и мое к вам основано на необыкновенной родственности нашей духовной жизни» (Толстой, 2006: 196). Автор считает, что «необыкновенная родственность» должна относиться к единому взгляду на некоторые вопросы, такие как западноевропейская культура и нигилизм. Во время путешествия в Западную Европу в 1857 году Толстой был полон сомнений и даже отрицал западноевропейскую культуру. Его произведения, к примеру, «Люцерн», критиковали фальшь западноевропейской цивилизации, показывая испорченность человечности, которая скрывается за процветанием науки и социальным прогрессом. Не отвергая полностью западноевропейскую буржуазную цивилизацию, Страхов всегда настроенно относился к материализму и утилитаризму на основе рационализма: «Не коммунисты, не материалисты и позитивисты суть истинные представители современного просвещения; это лишь уродства им порожденные, имеющие силу именно потому, что они столько же исполнены метафизики, фанатизма, слепой веры, как и самые древние учения» (Страхов, 1897: 241). Толстому не нравился радикальный и легкомысленный нигилизм. Он не только высмеивал Чернышевского и других в своих ежедневных сообщениях, но и написал «Зараженное семейство» (1862–1864 гг.), чтобы опровергнуть нигилизм. Отношение Страхова к нигилизму уже довольно широко освещено, так что мы не будем повторяться. Таким образом, очевидно, что единомыслие в некоторых вопросах было полезно для развития их дружбы.

Следует отметить, что высокая оценка Толстого Страховым не означает, что он полностью принимает взгляды писателя. Хорошо известно, что в «Войне и мире» Толстой с большим усердием описывал сцены из жизни, что является самым захватывающим в романе, но в конце он много и пространно рассуждал, надеясь изложить

центральную идею, которая не ясна даже ему самому¹⁰. В письме к И.С. Аксакову Страхов прямо заявлял: «Толстой *очень плохо* пишет все, что у него касается отвлеченного изложения христианства; но его *чувства*, которых он вовсе не умеет выразить и которые я знаю прямо по лицу, по тону, по разговорам – имеют необыкновенную красоту» (И.С. Аксаков - Н.Н. Страхов, 2007: 120)¹¹. Особенность литературной критики Страхова заключается в том, что критик лучше всего постигает красоту произведения через детали жизни. На самом деле Страхов всю жизнь ненавидел системы и застывшие идеи¹², и, естественно, ему не нравились философские разглагольствования Толстого. После смерти критика в «Вестнике Московского психологического общества» (почетным членом которого Страхов был избран в 1894 году) было отмечено: «Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстетик, Н.Н. Страхов представляет и как личность выдающиеся черты – ...стойкостью своих убеждений, тем, что он никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечения минуты и выступать на защиту тех крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию» (Грот, 1896: 3-4). Как можно было человеку с такими выдающимися способностями называть себя «придатком», хотя бы перед лицом такого великого человека, как Толстой? Критика Страхова о Толстом была фактически основной в советский период.

Заключение

Оценивая свою интерпретацию «Войны и мира», Страхов писал: «Не

только я награжден тем, что смог понять безмерно-великую ценность “Войны и Мира”, но мне думается, я заслужил и более важную награду: в некоторой мере я понял душу этого произведения; я нашел те точки зрения, те категории, с которых его следует судить, и мне открылась связь его с историей и ходом нашей литературы» (Страхов, 1901: 312). Эта история в сегодняшних глазах – история пробуждения русского народного самосознания; произведения Толстого – самое яркое свидетельство этой истории. Конечно, связь между ними была выявлена Страховым. Стоит учитывать, что Страхов работал в конце 1860-х годов, когда главное русское литературно-критическое направление еще не осознавало огромное значение Толстого. Либеральный критик П. Анненков рассматривал «Войну и мир» по стандартам европейской исторической беллетристики, утверждая, что характер развития героя в произведении был застойным, и это есть недостаток романического развития» (Ни Жуй Цинь, 1982: 71). Радикальный критик Д. Писарев просто анализировал образ аристократии с сословной позиции. В этом контексте интерпретация Страховым значения творчества Толстого сама по себе является новаторской. В то же время именно благодаря его интерпретации, Толстой и космополитическое явление его творчества постепенно воспринимались русской культурой. Учитывая становление русской литературы на мировой литературной арене в середине и конце XIX века, можно считать, что данная интерпретация Страхова – не просто анализ произведений писателей, а скорее исследование особенностей русской культуры. Это новаторское мышление русского критика после избавления от влияния западной мысли. Как сказал философ Н.Я. Грот в

¹⁰ Вот почему было сказано: “Tolstoy was by nature a fox, but believed in being a hedgehog” («Толстой по натуре был лисом, но верил в то, что он еж») (Berlin, 1994: 24).

¹¹ Об этом также упоминал Флобер в своем письме к Тургеневу, хотя это было уже в 1880 году

(см.: 参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。/ Chen Shen, 1983: 1).

¹² О разнице между Страховым и Толстым в этом отношении (см.: Раренко, 2011: 96-119; Мотовникова, Ольхов, 2012: 86-106).

надгробной речи, «Страхову великое спасибо за то, что он один из первых особенно энергично и ясно призывал русских людей мыслить самостоятельно» (Грот, 1896: 40). К сожалению, с наступлением XX века революции и войны вскоре оттеснили философа и литературного критика в область почти полного забвения. Однако забвение не означает исчезновение, и идеи могут быть вечными. После вступления в XXI век в российском интеллектуальном мире возникло увлечение культурным ретро. Теперь ученые пытаются найти силы, чтобы возродить «русскую мысль» с помощью культурного ретро. После почти столетнего забвения имя Страхова часто упоминается и вновь высоко ценится. По словам одного из исследователей: “An examination of the tensions of Strakhov’s thought will illustrate I hope some of the richness and complexity of Russian intellectual life in the nineteenth century” («Я надеюсь, что изучение напряженности мысли Страхова покажет известное богатство и сложность интеллектуальной жизни России XIX века») (Gerstein, 1971: XI).

В XXI веке в Китае Н.Н. Страхов и его интеллектуальное наследие привлекают все больше внимания: появляется ряд статей, в которых осмысливается его философское и литературно-критическое наследие. Мы считаем, что идеи Н.Н. Страхова имеют важное значение для строительства независимой и самостоятельной культуры в современном Китае. Во-первых, это размышления о западной цивилизации. Западная цивилизация имеет славную историю и является частью человеческой цивилизации. Но в настоящее время западная цивилизация все больше и больше показывает свою варварскую и лицемерную сторону, что в точности соответствует критике Н.Н. Страхова в адрес Запада сто с лишним лет назад. Во-вторых, Страхов подчеркивает диалогичность. Диалог подразумевает открытость и обмен между культурами и цивилизациями, а также плюралистическое сосуществование в мире. Это особенно ак-

туально в нынешних условиях войн и эпидемий. В-третьих, Н.Н. Страхов подчеркивает национальное самосознание и национальную культурную особенность. Наглядным примером этого является Страховское исследование романа Толстого «Война и мир». Анализ «Войны и мира» показывает нам, как творить национально самобытный литературный образ и как создать национально самобытную культуру, основываясь на нашей собственной истории. Ввиду этого, без преувеличения можно сказать, что в Китае исследование наследия Н.Н. Страхова имеет большие перспективы.

Источники

Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. Т. 1. / сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. Оттава; М.: Группа славянских исследований при Оттавском университете и Государственный музей Л. Н. Толстого, 2003. 1079 с.

Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым (1870–1894). СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. 478 с.

Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений [В 90 т.]. Т. 62. Письма 1873–1879. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 573 с.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Часть первая. М.: Лексика, 1996. 763 с.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений Льва Толстого. Т. 16. Война и мир / пер. Лю Ляо. Пекин: Издательство Народной литературы, 2000. С. 140.

Литература

Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Том. 2. М.: Русские словари, 2000. 798 с.

Грот, Н. Памяти Н.Н. Страхова: к характеристике его философского миросозерцания. М.: Типолитография Высочайше утв. товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1896. 42 с.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985. 616 с.

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 29. Л.: Наука, 1986. 573 с.

И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка / сост. М.И. Щербакова; Группа славянских исследований при Оттавском университете и

ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Оттава, Квебек, 2007. 192 с.

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х томах. Т. 1. М.: Художественная литература. 1978. 621 с.

Мальчевский, Н. К истории русской философии // Логос: Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн. 2. Русский духовный опыт / под ред. А.И. Бродского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992.

Мотовникова, Е.Н., Ольхов, П.А. Полемика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова: Монография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 199 с.

Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в Нашей литературе.: Исторические и Критические Очерки. Кн. 1. Киев., 1897.

Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в Нашей литературе: Исторические и Критические Очерки. Кн. 2. Киев., 1897.

Страхов, Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. С. 177-332.

Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). Издание четвертое. Киев: И.П. Матченко, 1901. 387 с.

Страхов, Н.Н. Литературная критика. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 459 с.

Толстая, А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 714 с.

Храпченко, М.Б. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Лев Толстой как художник. М.: Худож. лит., 1980. 598 с.

Храпченко, М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Советский писатель, 1976. 364 с.

Шелгунов, Н.В. Литературная критика. Л.: Художественная литература, 1974. 415 с.

Шестидесятые годы: материалы по истории лит. и обществ. движения / под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цеховнищера. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 490 с.

Berlin, I. Russian Thinkers. Penguin Books, 1994. 312 p.

Gerstein, L. Nikolai Strakhov. Harvard University Press, 1971. XI, 237 p.

Paperno, I. Leo Tolstoy's correspondence with Nikolai Strakhov : the dialogue on faith // Anniversary essays on Tolstoy / ed. by D.T. Orwin. Cambridge, 2010. P. 96-119.

参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。(Чэнь Шэнь (ред.). Европейские и американские писатели о Льве Толстом. China Social Sciences Press. 1983.)

罗曼·罗兰：《托尔斯泰传》，傅雷译，商务印书馆，1998年，第47页。(Ромен Роллан, Биография Толстого / пер. Фу Лея. Commercial Press, 1998.)

倪蕊琴主编：《俄国作家批评家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1982年，第71页。(Ни Жуй Цинь (ред.). Русские писатели и критики о Льве Толстом. China Social Sciences Press, 1982.)

Sources

L. N. Tolstoy – N. N. Strakhov: *Polnoe sobranie perepiski: V 2 t. T. 1* (2003) [L. N. Tolstoy – N. N. Strakhov: Full collection of correspondence: In 2 vols. Vol. 1], in Donskov, A. (ed.), Slavic Research Group at the University of Ottawa, the State L.N. Tolstoy Museum, Ottawa, Moscow, Russia (in Russ.).

Perepiska L. N. Tolstogo s N. N. Strakhovym (1870–1894) (1914) [Correspondence of L. N. Tolstoy with N. N. Strakhov (1870–1894)], Tipografiya B. M. Vol'fa, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1953), *Polnoe sobranie sochineniy [v 90 tomakh]. Tom 62. Pis'ma 1873–1879* [The complete works [In 90 vol.]. Vol. 62. Letters 1873–1879], State Publishing House of Fiction, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1996), *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 4. Chast' 1* [Collected works in 8 volumes. Vol. 4. Part 1], Leksika, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (2000), *Sobranie sochineniy L'va Tolstogo. Tom 16. Voyna i mir* [Collected works of Leo Tolstoy. Vol. 16. War and Peace], translated by Lyu Lyao, Izdatel'stvo narodnoy literatury, Beijing, China (in Chinese?).

References

Bakhtin, M. M. (2000), *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 2* [Collected works in 7 vols. Vol. 2], Russkie slovari, Moscow, Russia (in Russ.).

Berlin, I. (1994), *Russian Thinkers*, Penguin

Books.

Dostoevsky, F. M. (1985), *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. T. 28* [The complete works: In 30 vols. Vol. 28], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1986), *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. T. 29* [The complete works: In 30 vols. Vol. 29], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Gerstein, L. (1971), *Nikolai Strakhov*, Harvard University Press, Harvard.

Grot, N. (1896), *Pamyati N. N. Strakhova: k kharakteristike ego filosofskogo mirosozercaniya* [In Memory of N. N. Strakhov: on the characteristics of his philosophical worldview], Tipo-litografiya Vysochajshe utv. T-va I. N. Kushnerev i K, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

I. S. Aksakov – N. N. Strakhov: *Perepiska* (2007) [I. S. Aksakov – N. N. Strakhov: Correspondence], in Shcherbakova, M.I. (comp., ed.), Slavic Studies Group at the University of Ottawa and the Gorky Institute of the Russian Academy of Sciences, Ottawa, Quebec, CA (in Russ.).

Khrapchenko, M. B. (1976), *Khudozhestvennoe tvorchestvo, deystvitel'nost', chelovek* [Artistic creativity, reality, man], Sovetskii pisatel', Moscow, Russia (in Russ.).

Khrapchenko, M. B. (1980), *Sobranie sochineniy: V 4 t. T. 2. Lev Tolstoy kak khudozhnik* [Collected works: In 4 vols. Vol. 2. Leo Tolstoy as an artist], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

L.N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t. T. 1 (1978), [L. N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries: In 2 vols. Vol. 1], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Malchevskiy, N. (1992), “On the history of Russian philosophy”, *Logos: Sankt-Peterburgskie chteniya po filosofii kultury. Kn. 2. Russkiy dukhovnyy opyt* [Logos: St. Petersburg Readings on the Philosophy of Culture. Book 2. Russian Spiritual Experience], (in Russ.).

Motovnikova, E. N., Olkhov, P. A. (2012), *Polemika i ponimanie: filosofskie ocherki myshleniya i lichnosti N. N. Strakhova: monografiya* [Polemics and Understanding: Philosophical Essays of N. N. Strakhov's Thinking and Personality: monograph], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Paperno, I. (2011), “Leo Tolstoy’ s correspondence with Nikolai Strakhov: the dialogue on faith”, in D. T. Orwin (ed.), *Anniversary essays on*

Tolstoy, Cambridge University Press, Cambridge, 96-119.

Shelgunov, N. V. (1974), *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Khudozhestvennaya literatura, Leningrad, USSR (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1883), “Memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky”, *Dostoevskogo. T. I. Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki s portretom F. M. Dostoevskogo i prilozheniyami* [Dostoevsky, F. M. The complete works of F. M. Dostoevsky. Vol. 1. Biography, letters and notes from a notebook with a portrait of F. M. Dostoevsky and appendices], Printing house of the Panteleev brothers, St. Petersburg, Russia, 177-332 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1897), *Bor'ba s Zapadom v nashey literature: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle with the West in Our Literature.: historical and critical essays], Book 1, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1897), *Bor'ba s Zapadom v nashey literature.: istoricheskie i kriticheskie ocherki* [The Struggle with the West in Our Literature.: historical and critical essays], Book 2, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1901), *Kriticheskie stat'yi ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom (1862–1885)* [Critical articles about I. S. Turgenyev and L. N. Tolstoy (1862–1885)], Fourth Edition, I. P. Matchenko, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (2000), *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Publishing House RHGI, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tolstaya, A. L. (2016), *Otets. Zhizn' L'va Tolstogo* [Father. The Life of Leo Tolstoy], Direkt-Media, Berlin, Moscow, Russia (in Russ.).

参见陈燊主编：《欧美作家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1983年，第1页。Chen Shen (ed.) (1983), *European and American writers on Leo Tolstoy*. China Social Sciences Press, China (in Chinese).

罗曼·罗兰：《托尔斯泰传》，傅雷译，商务印书馆，1998年，第47页。Rolland, R. (1998), *Biography of Tolstoy*, Translated by Fu Lei, Commercial Press, China (in Chinese).

倪蕊琴主编：《俄国作家批评家论列夫·托尔斯泰》，中国社会科学出版社，1982年，第71页。Ni Rui Xin (ed.) (1982), *Russian writers and critics on Leo Tolstoy*, China Social Sciences Press, China (in Chinese).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор Сучжоуского Университета, улица Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; pipimao@mail.ru

Лу Яо, доктор-кандидат филологических наук, институт иностранных языков и литератур, Сучжоуский Университет, улица Шизы, д. 1. г. Сучжоу, 215006, провинция Цзянсу, КНР; emailluyao@126.com

ABOUT THE AUTHORS:

Zhu Jiangang, Ph.D. Professor of Soochow University, 1 Shizi St., Suzhou city, 215006, Jiangsu province, China; pipimao@mail.ru

Lu Yao, PhD in Philology, Institute of Foreign Languages and Literatures, Suzhou University, 1 Shizi St., Suzhou city, 215006, Jiangsu province, China; emailluyao@126.com